

принадлежат роду Шаншиана. Сей Шаншиан является [выходцем] из армянского княжеского рода. Прибыв [в Грузию] он поселился в пределах Верхней Картли, в селе Вака, под сенью святой Богородицы» (Евангелие, переписанное по заказу князя Автандила Бегтабегова в 1641 г.).

«...сочтите достойными поминания в светлых молитвах Ваших деда его [архиепископа Иосифа Аргутинского] князя Долмаза, и бабушку Лейлу, и родителей его...князя Шнош Бека, убитого иноверцами и мать госпожу Кетеван, представившихся братьев и сестер его князя Мовсеса, Барсатана и Марнам, и всех упокоенных во Христе родичей. Помяните и здравствующих братьев – князя парона Бежан Бека, и сына его князя Соломона, дьякона Барсега, Давида и Никогайоса, сыновей умершего старшего брата Мовсеса – Шноша и Закарию, благочестивую сестру Русудан, братьев отца, умерших Асламаза, Автандила и Пирали, и сыновей их князя парона Есайи, парона Степана и парона Таку, живущих в родной стране благодатной Сомхэти, т.е. Армении, в знаменитом Сананне...» (Сборник религиозного содержания, напечатанный в Санкт-Петербургской типографии Григора Халдарянца в 1788 г.). Далее архиепископ Иосиф сообщает о происхождении своего рода от Закарии, известного полководца царицы Тамар, приводит подтверждающие это грамоты грузинских царей и даже рисунок фамильного герба.

Получая книгу по наследству, потомки дописывали свои имена к первоначальной записи, и со временем иштатакараны превратились еще и в своеобразную форму фиксации генеалогической памяти. Средневековый хронист Закария Канакерци в 1687 г. сообщает: «И имел он [Мкртыч, отец Закарии] одну книгу, которую давно написали, и было собрано в ней много чего, и относительно детей грузинских [предки Закарии] было написано из поколения в поколение и до деда моего Хачатура. Отец же мой написал об отце и братьях своих и о себе. Эта книга находилась у нас, но, когда случилось сильное землетрясение, книга эта исчезла».

Книгам, содержащим родовые записи, придавалось большое значение. Так в 1892 г. житель селения Верхний Акулис Миннас Тер-Мкртчянц на чистых листах фамильного Сагмосарана записал иштатакаран включающий в т.ч. «Родословие наших Тер-Мкртчянов» и таблицу рождений и смертей представителей

своего рода. Обращаясь к своим наследникам, автор пишет «записи наших рождений и смертей, следует продолжать как по мужской, так и по женской линии до конца. А список родословия довести до 8 поколения и начать с нового листа». При этом автор специально оговаривает: «если же умру я на чужбине, сию книгу в таком виде следует доставить моему племяннику Степану Тадевосян Тер-Мкртчянцу, где бы он ни был, либо другому моему племяннику Карапету Геворгян Тер-Мкртчянцу, где бы он ни был» (Анасян Г. Агулиссский иштатакаран и генеалогия Тер-Мкртчянов // Андес Амсорья. Вена, 1977. С. 217–234 (на арм. яз.).

Значение иштатакаранов как уникальных источников достоверной генеалогической информации особенно возрастает при исследовании родословных непривилегированных сословий.

А.Г. Авдеев (Москва)

ЗАРОЖДЕНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ

У истоков русской эпиграфической науки стоит преп. Максим Грек. Его сочинение «О венце Спасове» стало первым сочинением на русском языке, специально посвященным вопросам эпиграфики.

Одним из источников знаний о надписях иноземных на Руси были переводы византийских трактатов. В сочинении Козьмы Индикоплова «Христианская топография», переведенном в домонгольское время, сохранились копии двух греческих надписей из Аксума. Этот отрывок чаще всего переписывался древнерусскими книжниками.

Не менее важным источником об иноземных надписях на Руси были описания паломничеств по Святым Местам.

Русские путешественники XVII в. вплотную подошли к методике эпиграфического исследования, интуитивно открыв такие методы работы с надписями, как определение их языка, размера и внешнего вида, характера материала, на который они нанесены, степени сохранности и даже — сравнительный анализ знаков, содержащихся в надписях.

Арсений (Суханов) был одним из первых отечественных эпиграфистов от природы. Совершивший поездки на Восток

в 1649—1650 и 1651—1653 гг., он первым из русских скопировал эпитафии первых правителей Иерусалимского королевства Готфрида Бульонского и Балдуина I в храме Гроба Господня. При описании двора св. Иосифа Прекрасного в Египте он отметил материал, размеры и сохранность опоясывающей его надписи, а значки на александрийских обелисках определил как особый вид письменности. Сличив их внешний вид и количество на обоих обелисках, пришел к выводу об идентичности вырезанных на них надписей.

Подробная характеристика древнеегипетской иероглифики как системы письменности появилась в 70-е гг. XVII в. Николай Спафарий посвятил ей трактат «Книга иероглифическая».

Купец Федот Котов, посетивший в конце 20-х гг. XVII в. Дербент, отметил внешний вид надгробий на северном кладбище Кырхляр, материал, на котором вырезаны надписи, их язык и возможное их значение.

Николай Спафарий, возглавивший в 1675 г. русское посольство в Китай, во время поездки описал знаки на скале в верховьях Енисея и впервые определил тюркские рунические надписи как систему письменности.

Также существовало мало связанное с «реальной» эпиграфикой, но укладывающееся в рамки мировоззрения эпохи Средневековья мистическое толкование надписей. Таково апокрифическое толкование надписи на чаше Соломона.

В 1641 г. греческие монахи привезли царю Алексею Михайловичу якобы переведенное с греческого языка пророчество, якобы вырезанное на крышке гроба Константина Великого и говорившее об освобождении Константинополя.

Сюда же примыкает «исследование» надписи на колокольне Ивана Великого Иваном Тимофеевым. Он подробно описал ее внешний вид и расположение и придал ей прогностический смысл, связав с ее местоположением исполнение библейского пророчества, которое он приложил к падению Бориса Годунова.

Интерес к отечественным надписям был познавательным или антикварным. В качестве одного из наиболее ранних примеров формального описания предмета в комплексе с надписями можно привести «Сказание о Кийском кресте», сохранившееся в рукописи второй половины XVII в. Аналогичное описание святыни содержится в «Повести о чудесах Виленского креста».

Антикварный интерес получил распространение благодаря Алексею Михайловичу, который в 1672 г. поручил Симону Ушакову сделать описание фресковых росписей Золотой и Грановитой палат Кремля вместе с находившимися на них надписями. Этот интерес отразило толкование латинской надписи на Спасской башне Кремля Николаем Спафарием.

Но первые опыты «общения» с надписями не вызвали в русском обществе XVII в. заметного роста интереса к эпиграфике.

Князь Василий Голицын одним из немногих, кто оценил значение старинных надписей и стремился к их сохранению. В мае 1684 г. он приказал снять копию с надписи на карнизе Грановитой палаты.

Одним из первых сводов русских надгробий, составленных в это время, стал своеобразный «путеводитель» по некрополю Троице-Сергиевой обители.

Познавательное направление связано с патриархом Никоном. Созданная им в Ново-Иерусалимском монастыре интеллектуальная школа сыграла важную роль в становлении русской эпиграфики как науки. Первый в России опыт использования надписей в качестве исторического источника принадлежит архимандриту этого монастыря Никанору в стихотворной «летописи» монастыря.

В 1686 г. в этой обители было составлено «Описание Великой церкви Нового Иерусалима». Составной его частью стали копии с надписей из эпиграфического «проскинитария» по монастырю. «Описание...» было самым читаемым в XVIII—XIX вв. рукописным сборником старорусских надписей. Некоторые ново-иерусалимские надписи вошли как приложение к «Известию о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России», составленному Иваном Шуперинным в конце XVII в.

Большую роль в формировании приемов эпиграфического исследования сыграли старообрядцы, которым для защиты от преследований официальной церкви «с нуля» приходилось разрабатывать вопросы источниковедения. У них отработка методики ставрографического и одновременно эпиграфического исследования была неразрывно связана со спорами о «пилатовом титле». Первым опытом здесь явился труд иеродиакона Соловецкого монастыря Игнатия «Книга о титле на Кресте Христовом»,

написанный в 1666/67 г. Для доказательства недопустимости его изображения на кресте он использовал такие методы исследования, как эпиграфический, сравнительно-исторический и формальный анализ. Этот трактат породил полемику среди старообрядцев, и с начала XVIII в. в практику исследования памятников ставрографии был введен визуальный метод изучения надписей на крестах. Однако эти открытия, в силу замкнутости и гонимости старообрядческих общин, остались «гениальными догадками», не востребованными профессиональной наукой.

К.А. Аверьянов (Москва)

ИЗ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Из всех московских обителей история Рождественского монастыря содержит, пожалуй, больше всего загадок. Объясняется это тем, что хотя он и упоминается в большинстве книг, посвященных истории монастырей первопрестольной, специальных работ, посвященных ему, крайне мало. (Токмаков И.Ф. Краткий исторический очерк московского Рождественского женского монастыря. М., 1881; Фуфаев А.С. Собор Рождественского монастыря // Архитектурные памятники Москвы XV – XVII вв. Новые исследования. М., 1947. С. 55 – 75; Ильенкова Н.В. Собор Рождественского монастыря в Москве. Исследования и реставрация // Охрана и реставрация памятников архитектуры. Опыт работы мастерской № 13. М., 1981. С. 82 – 88. Из работ последнего времени отметим обстоятельную статью: Лекомцев М. Из ранней истории московского Рождественского монастыря и его окрестностей // Золотой Рожок. Сборник статей о древнерусской культуре и искусстве. Вып. 2. М., 1999. С. 25 – 32).

Отсюда – масса «белых пятен» в истории обители. Известно, что ее основательницей была княгиня Мария, жена князя Андрея Ивановича и мать знаменитого Владимира Андреевича Храброго, героя Куликовской битвы. Однако было неясно – из какого княжеского рода она происходила. Долгое время ее отождествляли с Марией Кейстутовной, хотя последняя с 1375 г. являлась женой тверского князя Ивана Михайловича (См.: Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Т. I. М., 1992. С. 190). Лишь

в 1975 г. В.А. Кучкин выяснил, что она была дочерью галичского князя Ивана Федоровича (Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 365 – 384).

Первое по времени известие о Рождественском монастыре содержится в Рогожском летописце под 1389 г.: «Тое же зимы на Филиппово говение, месяца декабря в 2 день, на память святого пророка Аввакума, преставися раба Божия благоверная княгиня Мария Андреева, мати суца Владимиру, в черницах и в схиме, наречено бысть имя еи в мнишьском чину Марфа, и положена бысть в церкви святого Рожества, в честном ея манастыри, иже сама создала, еще суци при своем животе» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 157).

Определяя дату основания обители, М. Лекомцев обратил внимание на то, что она посвящена празднику Рождества Богородицы, и это навело его на мысль о том, что обитель была непосредственным образом связана с Куликовской битвой, которая произошла в день, когда отмечался этот праздник, и одним из героев которой был как раз сын Марии. Если это предположение верно, то возникновение обители следует отнести к периоду между 1380 и 1389 г. В некоторых изданиях встречается дата его возникновения в 1386 г., но она требует проверки.

Другой проблемой, по которой развернулась полемика, стал вопрос – был ли монастырь изначально основан на том месте, где стоит сейчас – на углу улицы Рождественки и Бульварного кольца, или же первоначально находился в другом месте? Поводом к дискуссии стал факт, что позднее он упоминается как монастырь «Рождества на рве» (ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 121; Т. XXV. М.; Л., 1962. С. 218; ДДГ. С. 352, 409).

Между тем, широко известен Вознесенский монастырь в Кремле, основанный вдовой Дмитрия Донского Евдокией в конце XIV в. Там же находится и церковь Рождества Богородицы. В конце XV в. московский Кремль активно перестраивается Иваном III. При этом ряд церквей и даже монастырей был выведен из него в город. Учитывая это, историками было выдвинуто предположение, что в это же время из Кремля на окраину тогдашней Москвы был переведен и Рождественский монастырь (Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994. С. 193 – 194. Эту точку зрения поддержал и